

Николай Ложников

СВОБОДНАЯ КАССА!

Книга —
лауреат
премии

*Рукопись
года*

Одобрено Рунетом

Николай Ложников
Свободная касса!

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Ложников Н.

Свободная касса! / Н. Ложников — «АСТ»,
2017 — (Одобрено Рунетом)

ISBN 978-5-17-105228-7

«Хочешь поработать на самого крупного в мире монстра индустрии фастфуда? Знай, кровь в твоих венах превратится в кетчуп, а в отношениях с любимым человеком третьим всегда будет КОМПАНИЯ» – такие слова мог бы сказать герой этого романа, очень похожего на антиутопию, но являющегося лишь слегка домысленным рассказом о буднях – и праздниках! – одной из крупнейших транснациональных корпораций в индустрии быстрого питания.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-105228-7

© Ложников Н., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Типа пролог	5
Глава первая	7
Глава вторая	12
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Николай Ложников

Свободная касса!

Все события и персонажи вымышлены, все совпадения случайны

Типа пролог

Когда душным июльским днём я заходил в «Шоколадницу» на Тверской, настроение у меня было хреновое. Причин тому было три: во-первых, я уже полгода безуспешно искал работу, во-вторых, было ужасно жарко, а в-третьих, данная конкретная встреча с рекрутером не обещала ничего выдающегося. Где вы, господа, видели в наше время в Москве хорошего рекрутера (или, как они сами себя гордо называют, «хедхантера»), который назначает вам встречу не в офисе, а за столиком кафешки? Сомнения мои выросли из мухи в огромного грустного слона, когда из-за стола навстречу мне поднялась толстая, неряшливого вида, грязноволосая тётенька в очках с роговой советской оправой.

– Ирина Булатова, – представилась мадам и плотоядно покосилась на принесённый официанткой десерт, жирность которого, судя по внешнему виду, приближалась к ста процентам.

– Очень приятно. Алексей Литвинов.

А потом произошло совершенно невероятное: за сорок минут нашей беседы я убедился в том, что профессионала такого класса среди её коллег я ещё не встречал. Притом, что с рекрутерскими фирмами доводилось общаться немало. Она рассказывала о себе, о ситуации на рынке, о компаниях, в которых я когда-то трудился. Причём, понятное дело, очень скоро выяснилось, что у нас с ней энное количество общих знакомых.

– Видите ли, Алексей, – корпоративно заулыбалась Булатова. – Почитав ваше резюме и наведя кое-какие справки, я поняла, что вы стоите хороших денег. И что у нас с вами наверняка что-нибудь получится. – При этих словах я засомневался, какое именно агентство она представляет, рекрутинговое или брачное, но все равно стало приятно...

– У меня есть пара позиций, о которых мы с вами можем подумать. Ну, вот, например, Supply Chain Director в компанию «Макроналдс».

– Слушайте, ну это ж несерьёзно! – Я вдруг опять увидел перед собой не крепкого профессионала, а толстую тётку. – Я не занимался закупками последние восемь лет, да и к тому же ранее трудился всего лишь скромным менеджером по закупкам оборудования, а вы, я так понимаю, говорите о булках, котлетах и о любимых моей женой молочных коктейлях...

– Да, в общем-то вы правы. – Булатова оценивающе оглядела меня как залежалый, но потенциально все ещё интересный паре покупателей товар. – Но, как говорится, чем чёрт не шутит... Попробовать, мне кажется, можно.

– И какие же у них требования к кандидату?

– Ну, прежде всего, чтоб человек был хороший. – Она вопросительно взглянула на меня, и я как-то инстинктивно подтянулся, показывая всем своим вспотевшим и уставшим существом, что в общем-то человек я неплохой.

– Их директор по закупкам в Восточной Европе, Виталий Шнайдер, высказался в том духе, что ему нужен адекватный человек с опытом в закупках. Причём, чтобы закупал миллионы на двести долларов в год.

Мой закупочный бюджет составлял в наиболее затратный год тридцать пять миллионов.

– Но я-то закупал на сто миллионов в год. – Моей наглости хватило всего на лишних шестьдесят пять лямов.

– Окей. Где сто, там и двести, – резюмировала Булатова, и я понял, что у нас с ней есть что-то общее.

– Да и потом, если честно, я как-то не думал о закупках, ведь последние восемь лет я занимался исключительно продажами, – продолжал рефлексировать я.

– Ну, так подумайте, – по-матерински улыбнувшись, отрезала моя собеседница.

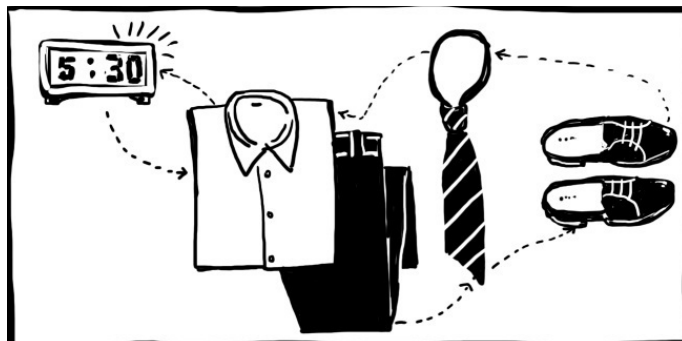
Мы расстались, договорившись, что она представит моё резюме в «Макроналдс» и перезвонит на следующей неделе. На выходе из «Шоколадницы» меня встретила Москва, уже чуть менее душная и чуть более похожая на светлый, радостный город моего детства.

Вечером, когда после пятой выпитой мною рюмки армянского коньяка жена наконец не выдержала и спросила о причине моей загадочной улыбки и особой нежности, я-таки раскололся насчет своей новой, пусть ещё туманной, но весьма заманчивой перспективы. Благо, с воображением у меня всё в порядке. А ведь и в самом деле прикольно. Что я, собственно, знал о «Макроналдсе»? Помню, как двадцать лет назад, в лохматом девяностом году стоял вместе со своими такими же голодными корешами-студентами в очереди в первый московский «Макроналдс». Ощущеньице, мягко говоря, незабываемое. Вы помните немытую и нечесаную Москву девяностого года? Я уже почти не помню. Но зато я потрясающе чётко помню тот культурный шок, который испытал, отстояв эту очередь и переступив порог ресторана «Макроналдс». Это был другой мир. Сверкающий сотнями лампочек и сияющий начищенным алюминием, белеющий своими вылизанными сортирами и обескураживающий улыбками персонала. И пусть народ в очереди ехидничал, что в Америке в этот ресторан ходят исключительно негры. И пусть в Москве «Макроналдс» открылся на месте любимого мною в послеармейские годы кафе «Муза». Главное, что у нас теперь появилась возможность прикоснуться к тому светлому, доброму, вечному, что было не доступно великому советскому народу последние семьдесят лет. Да, вот теперь, блин, заживём...

С тех пор утекло немало кока-колы и коньяка, изменилась как сама жизнь, так и мои взгляды на неё, но остался какой-то пубертатный трепет перед посланцами другого мира. Ещё помню, как, работая в универе в Бельгии, я приехал в девяносто четвертом со своим профессором на симпозиум молекулярных биологов в Швейцарию. И вечером, на вопрос шефа, где бы я хотел поужинать, радостно заявил, что, мол, конечно, в «Макроналдсе». И пожилой бельгиец одарил меня тогда грустной снисходительной улыбкой.

Но ведь сейчас не девяностые.

Глава первая Искусственный отбор

На момент описываемых событий на нашем, тогда ещё тихом и зелёном дворике стоял во всей своей красе прагматичный 2009-й год. За плечами у меня уже было пятнадцать лет работы в крупных западных компаниях, в которых я трудился, извините за скромность, не на последних должностях. А также последние шесть месяцев, которые я сидел без работы после того, как мой последний работодатель испытал все прелести кризиса в общеевропейских масштабах. В общем, коньяк у меня к тому моменту был на исходе, как и бодро хрустящие заграничные дензнаки. А в детской рыдал навзрыд мой шестимесячный сын...

Булатова перезвонила через три дня. Бодро заявила, что резюме моё товарищей заинтересовало, и господин Шнайдер жаждет меня отлицезреть на следующей неделе.

— Кстати, немного информации по Виталию Шнайдеру. — Она перешла на кэжэбэшный полужёпот, и мне пришлось вдавить в ухо трубку мобилы. — Ему тридцать пять лет, жена на семь лет старше, а ее сыну от первого брака — девятнадцать. Да, кстати, он очень умный и грамотный профессионал.

Из деликатности я не стал уточнять, кого именно она имела в виду: Шнайдера или его пасынка...

И вот, приняв с утречка ударную смесь из таблетки новопассита и кружки крепкого кофе, я выдвигаюсь навстречу своему будущему. На мне слегка потёртый, но всё ещё элегантный костюмчик от Ermenegildo Zegna и немного залоснившийся в области узла галстук от Canali. Ах, эти остатки былой роскоши! Они обязывают своего носителя покруче любого положения!

Центральный офис корпорации «Макроналдс» находился в здании одного из ресторанов компании, а точнее, в трех этажах над ним. Здание это, обёрнутое в рекламные щиты, напомнило мне огромный серый чемодан, со всех сторон обклеенный заморскими этикетками.

Виталий Шнайдер оказался высоким лысеющим чуваком в очках и довольно приличном костюме. Во время разговора он манерно жестикулировал и смотрел на собеседника умными, но бесцветными глазами поверх очков. По-видимому, передние зубы на его верхней челюсти были слегка сдвинуты назад, отчего верхняя губа как будто жила своей жизнью и выражала то ли повышенную чувственность своего хозяина, то ли его глубочайшее презрение к окружающим. Одним словом, поволжско-немецкая внешность в сочетании с повадками лубянского следователя тридцатых годов.

— Присаживайтесь, — хлебосольно сказал Виталий, чем несколько меня приободрил, всё-таки «садитесь» в его устах звучало бы весьма двусмысленно.

– Я прочитал ваше резюме. Выглядит впечатляюще, но хотелось бы услышать, так сказать, первоисточник.

Интервью наше (хотя так и хочется сказать «допрос») продолжалось часа два. По ходу действия всплывали такие тонкости моей биографии, которые мне самому уже рисовались крайне смутно.

– Вы, Алексей, кажется, недавно стали кандидатом экономических наук. А зачем вам это нужно? В наше время, насколько я понимаю, это не самая актуальная степень. Прямо скажем, не МВА.

– Если честно, я просто очень хотел этого ещё с университетских времен, да и родители порадовались, они у меня тоже оба кандидаты...

– Значит, стремление к первоначально поставленной цели плюс наличие комплексной мотивации, – уважительно хихикнул Виталий.

А я про себя отметил, что если у твоего шефа есть хоть какое-то чувство юмора – это уже само по себе недурно.

– Ну, окей, теперь я немножко расскажу о себе. – Виталий положил ногу на ногу и вальяжно уронил на стол ручку Montblanc. – Родился я на Урале, затем умудрился поступить в МГИМО, который благополучно окончил в девяносто пятом. Потом работал в одной немецкой конторе, пёк булочки. Сначала был закупщиком, потом гендиректором. Основным клиентом у меня был «Макроналдс». Ну, и на каком-то этапе корпорация предложила мне поучаствовать в становлении системы закупок молодого уральского филиала. Затем через несколько лет меня пригласили возглавить отдел закупок России, а чуть позже и всего восточно-европейского дивизиона.

– А восточно-европейский дивизион – это страны бывшего соцлагеря? – наивно спросил я, потихоньку проникаясь уважением к компании, которая ничтоже сумняшеся поделила старушку-Европу по геополитическому принципу.

– В состав восточно-европейского дивизиона входят одиннадцать стран, – снисходительно поиграл верхней губой мой потенциальный шеф, – большая часть СНГ плюс Болгария, Румыния и Прибалтика.

– Немаленькая у вас, однако, зона ответственности, – подлил я маслица на мельницу его самолюбия.

– Да, работы хватает, – скромно заулыбался Шнайдер, заглотивший наживку моей грубой лести.

– А где базируется начальник восточного дивизиона?

– Президент сидит в Москве, в этом самом офисе. Хотя, как вы понимаете, ему приходится много ездить. Кстати, он очень неординарная личность. Рустам – лезгин по национальности со всеми вытекающими отсюда плюсами и минусами. – На последнем слове Виталий посмотрел на меня почти интимно.

Мы расстались, широко и неестественно улыбаясь, а также крепко отжав друг другу руки, как и положено в международных корпорациях. Что стояло за его улыбкой, кроме привычки и корпоративных стандартов, было абсолютно неясно. А потому я принялся называть Булатовой сразу же по приезде домой.

– Думаю, все в порядке, – сухо заявила Булатова, выслушав мой несколько сбивчивый и слишком детальный отчет о прошедшей встрече. – Я перезвоню вам сразу же, как только дозвонюсь до Шнайдера.

Дозванивалась до него эта милая девушка ровно два дня. А когда-таки перезвонила, сходу выпалила, что впечатление я произвёл положительное, хотя и было отмечено, что закупочного опыта у меня действительно маловато.

– Но это не страшно, – выдала мне пачку виртуальных индульгенций Булатова. – Да, чуть не забыла, нам очень повезло, шеф Шнайдера, вице-президент по финансам, Джим

Эдвардс в эти дни в Москве, и ваша встреча с ним назначена на послезавтра. Я его совсем не знаю, но могу предположить, что основной целью Джима будет понять, насколько вы соответствуете корпоративной культуре компании.

Я так и знал! Опять эта пресловутая корпоративная культура! Это как кодекс строителя коммунизма или философский камень. Все, в принципе, знают, что это такое, но при этом никто не понимает, зачем она нужна и что с ней делать.

– С корпоративной культурой, Ирина, у меня всё в порядке, – честно продекларировал я, и по приглушенному выдоху в трубке понял, что у Булатовой отлегло от сердца.

– Отлично! Значит, послезавтра, в семь тридцать утра, в центральном офисе «Макроналдсе».

– В полвосьмого – это круто. А что так поздно?

– Ну, вы же понимаете, он очень занятой человек. Да и потом, – мне показалось, что я слышу, как Булатова ухмыляется в свою дешёвую «трубу», – по-моему, это тоже часть проверки на соответствие корпоративной культуре.

– Окей, придётся не ложиться спать, – мрачновато пошутил я.

В течение ближайших полутора суток я только и делал, что приземлял излишне оптимистичные эмоции своих близких. Жена накормила меня необыкновенно вкусным ужином, и мне стало даже как-то неудобно за то, что я ещё до сих пор не работаю в «Макроналдсе». Даже сын почти совсем не плакал и смотрел на меня из кровати таким серьёзным взглядом, что я начал ощущать себя сапёром, не имеющим права на ошибку.

Услышав, что я пришёл на встречу с Джимом Эдвардсом, охранник на ресепшен как-то сразу подобрался и поглядел на меня уже не как отставной майор космических войск, а как добротный, хорошо оплачиваемый холуй. Всё-таки ценят в нашей стране иностранцев! Кстати, меня ещё в первый приход удивило, что на ресепшен в «Макроналдсе» сидят не смазливые корпоративные девочки, а угрюмые усатые мужички.

После двадцати минут ожидания в конференс-руме дверь резко распахнулась, и на пороге нарисовался низкорослый дядечка в круглых, напоминавших пенсне, очках. Я, слава богу, никогда не встречал в своей жизни сотрудников ЦРУ, но при взгляде на Джима подумал, что работа в «Макроналдсе» является для него прикрытием. Наверное, всему виной старые шпионские фильмы, которые я обожал смотреть в детстве.

– Очень приятно познакомиться! – произнёс Джим самую ожидаемую фразу и получил точно такую же в ответ.

– У меня есть всего один вопрос по вашему резюме. А именно, почему вы хотите работать в «Макроналдсе»? – Бедолага Джим, видимо, от всей души хотел меня обескуражить.

– Вопрос непростой, – сделал я свой ход в этой игре в поддавки. – Ну, во-первых, я всегда хотел работать в крупной международной корпорации. А во-вторых, было бы интересно попробовать себя вне той индустрии, которую я знаю. В бизнесе, где я мог бы работать с серьёзными проектами, с привлечением больших ресурсов... – Фраза была заранее отрепетирована перед зеркалом.

– С проектами и ресурсами у нас все в порядке, – самодовольно усмехнулся Джим.

Далее были ещё несколько суперсложных и неординарных вопросов типа: «Какие вы можете назвать свои сильные и слабые стороны?» или «К какому типу руководителя вы себя относите?»

Когда мы попрощались, лицемерно улыбнувшись друг другу, я был абсолютно уверен, что не понравился старине Джиму, и моё общение с «Макроналдсом» на этом завершится.

На следующий день мне позвонила Булатова.

– Алексей, вы не поверите, но Джим заявил, что вы именно тот кандидат, которого они ищут уже целый год.

– И что со мной будет дальше?

– Дальше с вами хочет встретиться Рустам Байнаров. Встреча, естественно, будет носить в основном политический характер. Вы же понимаете, они не брали человека «с улицы» на позицию такого уровня уже чуть ли не десять лет. – В последней фразе Булатовой звучало неподдельное восхищение макрональдсовским эйчаром.

– Погодите, то есть вы хотите сказать, что все работающие сейчас директора пришли на работу десять лет назад?

– Ну что вы, я имею в виду, что почти все работающие сейчас руководители компании, за исключением разве что господина Шнайдера, начинали свою работу в компании *двадцать* лет назад! Все они были простыми работниками ресторана – как вы помните, тогда был всего один ресторан, и прошли путь от грильщиков и тостерщиков до директоров и вице-президентов. – Булатова определенно гордилась компанией, равно как и доверием, которое эта компания оказала ей, поручив поиск человека на *такую* позицию.

– Благодарю за оказанное доверие, – весело отпартовал я. – Постараюсь оправдать, то есть не посрамить, то есть...

– Ладно, хватит ёрничать, – грустно сказала Булатова, всеми своими интонациями давая понять, как обидно ей продавать в *такую* компанию человека, не разделяющего высоких корпоративных ценностей. Но голод, как говорится, не тётя...

И вот наступил решающий день. За несколько минут до интервью я зашёл в ресторан «Макроналдса», чтобы пописать. Надо сказать, что я давно уже использую эти заведения исключительно для отправления естественных надобностей. Хотя, пардон, лет десять назад, вместе с одной отвязной подружкой я разок использовал «Макроналдс», а точнее, его туалет, для отправления чуть менее естественной надобности...

Мужичонка на ресепшн чуть не лишился дара речи, когда я тихим и нарочито спокойным голосом заявил, что приехал на встречу с господином Байнаровым. Он долго вглядывался в меня, пытаясь различить черты террориста-антиглобалиста или министра пищевой промышленности, путешествующего инкогнито.

– Добрый день, – сказал человек, вошедший в конференс-рум через не то что бы потайную, но незаметную дверь. – Я Рустам Байнаров.

Несмотря на почти полное отсутствие акцента и хороший вкус, даже изысканность, в одежде, в этом человеке отчётливо угадывался восточный феодал времён имама Шамиля. Касательно возраста я дал бы ему плюс-минус полтинничек.

Я и сам замечал за собой дурную привычку перебивать собеседника. Но чтобы тебя прерывали на втором-третьем слове – согласитесь, это довольно необычно даже в продвинутой московской тусовке.

– Вы недавно встречались со Шнайдером. Как он вам? – Этот вопрос обескураживал похлеще любых психологических атак из западных пособий по проведению интервью.

– Сложно сделать однозначный вывод за пару часов общения, но, по-моему, он грамотный профессионал.

– Пожалуй, соглашусь, – ответил Байнаров после полуминутного изучения моей реакции. – Я ведь взял его всего четыре года назад, и пока он оправдывал мои ожидания.

– Что вы считаете основным в работе директора по закупкам? – Рустам еще больше развалился в кресле и одарил меня ласковым взглядом своих умных маслиновидных глаз.

– Думаю, прежде всего, бесперебойность поставок, цена и качество, – ответил я. – А также я бы ещё, наверное, обратил особое внимание на развитие местных поставщиков.

– Ну, чтобы обращать особое внимание, вам сначала нужно получить эту работу, – ласково улыбнулся господин президент. И если бы не его весьма неарийская внешность, я бы сказал, что это была улыбка штурмбанфюрера.

Когда я вышел из офиса «Макроналдс», город был подернут той едва различимой, непередаваемого цвета дымкой, которая бывает в Москве только в конце лета. В небе малень-

кими трепещущими точками клубились стрижи. То ли просто к дождю, то ли символизируя собой скорый взлёт моей буксующей карьеры.

И вот через три дня я узнал от моей любезной и едва дышащей от счастья рекрутерши, что мне сделано предложение. Размер пакета хоть и несколько меньше моих ожиданий, но тем не менее вполне приемлем для данной позиции. День выхода на работу, или, как сказали бы в старину, вступления в должность, – через две недели.

– Да, ну, и плюс медстраховка для всего семейства и сопранусар, – внесла последний штрих Булатова таким тоном, как будто ей стоило безумных трудов выбить эти привилегии из злобного работодателя.

– А марку машинки не подскажете? – выпустил я на волю свои крохоборские инстинкты.

– «Мицубиси», – заявила девушка с такой гордостью, как будто произносила «Ламборджини» или «Мазератти».

– А какая конкретно моделька? – не унимался я.

– Не знаю. Слушайте, вам нужна работа или участие в автопробеге?! – Своим занудством я явно разносил в клочья ее хорошее настроение.

– Ну что вы, Ирина, это я так, к слову, – виновато ухмыльнулся я, параллельно рисуя в воображении сексуальный образ грациозного «Паджеро». Да, не зря мне в армии сержант советовал купить губозакатывательную машинку...

Целых две недели я упивался своей победой. Жена отглаживала давно ненадёванные офисные рубашки. Я умудрился навести относительный порядок в шкафах и ящиках: всё-таки новая жизнь начинается. Подозреваю даже, что если бы я курил, то именно в этот момент категорически бросил бы.

На даче отец, поднимая под шашлычок очередной тост за новоиспечённого «директора транснациональной корпорации», чуть не прослезился. Правда, свой половник дёгтя внёс сосед дядя Витя, который, узнав, где именно я собираюсь трудиться, заявил, что «такой параша, как в „Макроналдсе“, он не дегустировал даже в местах не столь отдалённых». Но поскольку данный глас народа был сильно пьян да и к тому же очевидно маргинален, то довольно быстро потонул в хоре всеобщего восторга.

Глава вторая

Введение во храм, или Мои университеты

– Заходи. Не удивляйся, офис у нас в стиле open space – открытое пространство, – с жутким акцентом в английских словах произнес мой новый подчиненный Всеволод Червочкин.

– Да я как-то не удивляюсь, я в подобном ангаре пять лет оттрубил, – дружелюбно ответил я.

Глаза у Севы были сильно бегающими. Суетливыми движениями он напоминал шуструю торговку с площади трёх вокзалов. Но самой главной отличительной чертой моего новоиспеченного сотрудника, без сомнения, была преданность компании. Она, извиняюсь за выражение, пёрла отовсюду. Из почти эротичных поглаживаний стола, за которым он приносил компании неоспоримую пользу. Из нежных слов, которыми изобилует его рассказ про последние двадцать лет работы в компании. И, конечно же, из перстня с золотой буквой «М», которым компания наградила его по случаю десятилетия трудовой деятельности и который он гордо таскал вместо обручального кольца. Полагаю, что букву «М» каждый мог трактовать по-своему... Он был моим ровесником, а это значило, что в то светлое время, когда я пил пиво с друзьями из пластмассовой канистры в подъезде и слегка депрессировал по поводу скорой защиты диплома, он драил полы на кухне и собирал из многочисленных составляющих роскошный «Биг Мак». И это при том, что учился он тогда на четвертом или пятом курсе МИФИ. То есть страна на последние советские рублики пыталась сотворить очередного Курчатова или Королёва, а этот милый человек решил стать королём фритюрниц и повелителем вылизанных сортиров. Неуклонно поднимаясь по служебной лестнице, он стал директором ресторана, а затем занял должность «консультанта по производству». Теперь ему уже подчинялись порядка пяти ресторанов. И вот на этом этапе его жизненного пути, то есть пару лет назад, на него обратил своё высочайшее внимание господин Шнайдер. И чувак, который ничего в своей жизни не видал, кроме блестящего, как котовьи яйца, прилавка и душного мирка макрональдсовской кухни, в одночасье стал менеджером по закупкам. Это примерно то же самое, что поставить бравого полковника, кровью и потом заслужившего свои звёздочки, руководить, скажем, академией наук. Со всеми вытекающими.

Над столом у Червочкина кроме многочисленных корпоративных реликвий висело великое множество фоток, отражавших все этапы его компанейской жизни. Среди них моё внимание привлекли портреты толстого дядьки в очках, в чертах которого, хотя и изрядно заплывших жиром, угадывалось некое сходство с моим сотрудником. Братан, что ли? – наивно подумал я. Но ясность внёс сам Червочкин:

– А вот это я, пять лет назад. Представляешь, за полгода я скинул сорок кило. – Он застенчиво потупился, готовясь выслушать мои бурные восторги.

– Похоже, ты слегка злоупотреблял нашей продукцией, – слово «нашей» в моих устах хотя и звучало кокетливо, но недвусмысленно давало понять, что я появился в этой конторе не на один день.

– Да, я люблю наши сэндвичи! – честно признался мой новый коллега. – Особенно двойной чизбургер с беконом. А что, тебе они разве не нравятся? – Он испытующе уставился на меня, абсолютно не понимая, как можно работать в «Макроналдсе», не кончая каждый день от вкуса двойного чизбургера.

– Ну что ты, конечно, нравятся. Но, честно говоря... – на этих словах мне показалось, что правое ухо моего собеседника удвоилось в размере, – я всё-таки больше люблю «Супер Тэйсти».

Злой я, наверное, человек. Нет чтобы дать парнишке хоть какую-то надежду на свой скорый уход. Тем более что, судя по всему, он когда-то серьёзно надеялся получить место, которое теперь столь несправедливо занял я...

Вторым моим сотрудником стала Анна Гуськова. Представьте себе девушку сорока семи лет от роду, дочку номенклатурных советских родителей. Которая много лет назад променяла светлое комсомольское будущее на работу у лидера мирового империализма. Климакс и тяжёлая женская судьба сделали свое чёрное дело. У Гуськовой был истеричный хрипловатый голос, жутковатый сардонический смех и объёмные жировые складки, вылезающие из-под тинзэджерской блузки. Путь Ани в корпорации был не менее захватывающим, чем у Севы. Начав, как водится, двадцать лет назад в качестве простой труженицы ресторанной кассы, она достаточно быстро (всего-то лет через десять) была взята в центральную контору в команду офис-менеджера. И ещё лет через восемь стала самым главным офис-менеджером страны. А дальше, после успешной операции по замене офисной мебели, Ане предложили стать менеджером по закупкам. Какие из офис-менеджеров получают закупщики, мне предстояло узнать в ближайшем будущем.

– Привет, надеюсь, тебе у нас понравится, – кокетливо улыбнулась мне Анна.

Обращение на «ты», похоже, является наряду с отсутствием секретарш и кабинетов одним из основных признаков здешней демократии.

– Мне бы этого очень хотелось. А еще хотелось бы, чтобы я понравился тебе...

– Ну, это у тебя уже почти получилось! – улыбнулась Анна.

– Слушай, а вот эта система электронных ключей при входе в офисы на этажах – какой в ней смысл? Ведь каждый входящий всё равно сначала проходит через охрану внизу.

– Во-первых, чтобы сотрудникам жизнь мёдом не казалась, ну а, во-вторых, мы же режимное предприятие! – полусерьёзно ответила Анна.

– Да, режим – это святое, – весело поддакнул я, почему-то вспомнив свою матушку, которая до шестнадцати лет прививала мне любовь к режиму, заставляя каждый день ложиться в девять вечера, предварительно выпив огромный стакан кефира. Теперь при виде этого напитка у меня всегда возникает сильный рвотный рефлекс.

– Кстати, а как тебе наши весёлые картинки в коридоре? Успел разглядеть?

– Впечатляет. По-моему, это что-то по мотивам «Апокалипсиса» Гойи в современной трактовке. Это что, для поднятия настроения?

– А никто не знает. Но мы шутим, что это напоминка нам всем о работе в ресторанах.

Мимо пронёсся в свой отгороженный шкафами закуток Виталий Шнайдер. Уже из-за шкафа донеслось:

– Сева, сделай так, чтобы комп у Алексея появился сегодня. А также сходи с ним в кадры и бухгалтерию для постановки на довольствие.

– Да, конечно, Виталий, – ответил Червочкин, обиженно оттопырив губу в сторону шкафа. А я потихоньку начинал понимать, что мой несостоявшийся соперник выполнял здесь по совместительству секретарские функции.

Стол по распоряжению Шнайдера мне выделили вполне приличный. Расположен несколько особнячком, но при этом даёт шикарную возможность простреливать взглядом из-за монитора обоих моих прямых подчинённых. По-видимому, в связи с отсутствием в компании кабинетов расположение столов приобрело некий скрытый смысл, демонстрируя, на какой ступеньке корпоративной лестницы находится тот или иной сотрудник. К тому же мой стол оказался вполне массивным и устойчивым, и при наличии кабинета и симпатичной секретарши я бы знал, как его использовать...

В эйчаре (он же отдел кадров) мне выдали брошюрку с кодексом поведения сотрудника. Она весьма доходчиво объясняла, что теперь ты не просто гражданин, муж, отец, зять и любовник, а прежде всего один из многих тысяч солдат великой мультинациональной армии. Так что будь счастлив, скотина! А если ты, тварь, паче чаяния, не счастлив, смотри, как говорится, пункт один данного устава. Стиль брошюрки однозначно свидетельствовал о её англоязычном происхождении, равно как и о тупорылости переводчика.

Кроме Червочкина и Гуськовой, в отдел Supply Chain входила ещё группа контроля качества. В ней, кроме директора по качеству, трудились четыре моложавые дамы средних лет и трое юморных мужичков. Одна из дам, носившая знаменитую фамилию Садальская, отличалась редкой словоохотливостью и в первый же день поведала мне, какая сволочь наш шеф и как все его «обожают».

– Алексей, хочу познакомить тебя с нашим местным Робин Гудом. – Тон господина Шнайдера стал ещё более ироничным, чем обычно. – Марина Круглова, директор восточно-европейского дивизиона по качеству и, можно сказать, твой главный сотрудник. Хотя, пардон, тебе она подчиняется всего на пятьдесят процентов. Остальные пятьдесят подчиняются Европе, тамошнему качественному директору.

Рука, которую мне подали (именно подали, а ни в коем случае не протянули!) для пожатия, могла принадлежать только женщине, в роду которой было как минимум с десяток графов, а то и парочка королей. Кисть была удивительно узкой и нежной. Я на миг почувствовал себя бедным Дон Жуаном, додумавшим по одной части тела Донны Анны всё остальное. Нет, Марина Круглова не была красавицей. Но она была из тех женщин, которые сводят с ума. А самое ужасное, она была совершенно в моём вкусе. Маленькая брюнетка слегка за тридцать, с большими печальными глазами и потрясающими ямочками на щеках. А от мягкого, немного грудного голоса я абсолютно поплыл. Это ж надо – дожить до сорока с лишком лет и, будучи женатым и абсолютно счастливым в браке мужиком, вдруг испытать такое!

– А почему Робин Гуд?

– Потому что тоже воюет со всем миром.

– Я бы только хотела уточнить, что воюю далеко не со всем миром, а только с шерифом, епископом, ну и ещё парочкой феодалов (кивок в сторону Шнайдера). Кстати, согласно британской истории, победил-то в конце концов именно Робин.

– Ну, во-первых, согласно не истории, а народной легенде. А, во-вторых, в нашем случае приезд Ричарда Львиное Сердце в обозримом будущем явно не намечается.

Господи, как же мне захотелось в эту минуту стать этим самым безбашенным английским монархом! Чтобы сделать глаза шервудского разбойника чуть более счастливыми.

Мой первый день в «Макроналдсе» пролетел сумбурно и на удивление быстро. Дома, от полноты ощущений, я провалился в царство Морфея, даже не успев пропустить рюмку коньяку. По заброшенным, как старая шахта, извилинам моего мозга со скоростью локомотива проносились мысли о Марине Кругловой и прочих элементах моей новой жизни.

На следующий день у меня появился компьютер, который часа два отлаживал прыщавый нудноватый айтишник.

– Каждый день новые задачи, – пожаловался он мне на свою тяжкую долю. – Вчера уезжал на родину директор по строительству, америкос. Дал мне пачку дисков. Говорит: «Скачай сюда все данные из моего компьютера». В результате даю ему один диск. Он говорит: «Надо же, восемь лет жизни уместились на один диск». А я ему отвечаю: «Да. И этот диск наполовину пуст».

– То есть мне на один диск придётся пахать шестнадцать лет? – провёл я несложную калькуляцию.

– Ну, это как будешь работать, – резюмировал айтишник, и я ещё раз убедился, что люди его профессии – прирождённые философы.

В мэйлах я нашёл сообщение Шнайдера всем-всем-всем о моём появлении в компании. Естественно, в двуязычном исполнении. А также восемь поздравлений новому закупочному директору от людей, о существовании которых до настоящего момента я и не подозревал. Первое из них было от Антонеллы, самого главного закупщика в Европе. Как я узнал от добрых людей, она была американкой итальянского происхождения, недавно десантированной в Европу для наведения там всеобщего шухера. Но американская суть в ней, очевидно, преобладала, о чём можно было догадаться по изобилию в тексте таких слов, как *fine*, *great*, *perfect* и тому подобных. В своём письме Антонелла приветствовала меня как нового члена команды и желала творческих успехов. А также рассказывала об ответственности, которую возлагает на мои хрупкие плечи работа в *такой* компании и на *таком* месте. По прочтении письма у меня слегка заныло под ложечкой – видимо, от осознания ответственности. Остальные семь посланий по духу и стилю были настолько похожи на предыдущее, что вызвали у меня подозрение о существовании в компании специального шаблона. Исключение составлял, пожалуй, только мэйл от финского коллеги по имени Сэппо. Фамилию же его не то что произнести – прочитать было абсолютно нереально.

«Меня зовут Сэппо, – писал он. – Я отвечаю в Европе за соусы. За все соусы. Например, кетчуп, а также горчичный и майонезный соусы. Да, ещё сырный соус. Вообще, соусы очень важный продукт для нашей компании. Я скоро приеду в Москву и расскажу тебе о том, какие у нас есть соусы». Фразы были простыми и ёмкими, как стакан национального финского напитка коскенкорвы. Если кто не пробовал, это такая чухонская водка, почти как наша, только сладковатая и с привкусом карамели.

Подходило время обеда. Как выяснилось, большинство сотрудников офиса предпочитали обедать в заведении компании на первом этаже. Причём, приглашение на обед звучало как приглашение в ресторан. Честно сказать, мне как-то не приходило в голову, что наши макроналдсы можно назвать ресторанами...

– Свободная касса! – воскликнула девушка за прилавком с такой усталой улыбкой, как будто этой ночью она была на шабаше ведьм и прилетела на работу за минуту до начала смены, оставив метлу под окном. Такая улыбка и в самом деле может быть только бесплатной.

Мягкая плоть булочки нежно обволакивала зубы и язык, подготавливая вкусовые рецепторы к восприятию главной составляющей сэндвича – говяжьей котлеты.

– Ну и как тебе наш «Супер Тэйсти»? – спросил Виталий, глядя мне прямо в глаза.

– Грандиозно! Особенно хорош кетчуп, – честно ответил я, вспоминая письмо из страны Суоми.

– Да, кетчуп у нас отличный, а главное, одинаковый во всех наших ресторанах в мире, – гордо заметил шеф.

А в мой извращённый ум сразу же пришла фраза, которой меня в армии радовали сержанты: «Безобразно, зато однообразно».

– Кстати, у нас принято говорить, что у сотрудников, которые реально преданы компании, в жилах течёт не кровь, а кетчуп, – улыбнулся Виталий. – Когда закончится процесс твоей *макрональдизации*, о тебе, надеюсь, тоже можно будет так сказать.

– Круто! Тогда, наверное, порезав палец, надо будет сразу подносить к нему котлету, чтобы добро не пропадало, – ответил я.

– Да, приколов на эту тему у нас в конторе хватает, – поддержал шутливый тон Виталий. – Ещё, например, говорят, что у наших девушек самые мягкие в мире булочки.

– Слушай, а что, у нас в отделе у всех в жилах кетчуп?

– Ну, у кого как, со временем сам всё узнаешь.

– А у Кругловой?

– Ну, Марина – это особый случай. Начинала, как все наши директора (кроме нас с тобой, конечно), двадцать лет назад. Но в отличие от них не на кухне, а лаборантом на нашем заводе в Лунёво. К тому же мама у нашей принцессы когда-то плясала в Большом, ученица Плисецкой. Так что в жилах у неё течёт что-то типа голубого кетчупа. Не просто ж так мы её называем Робин Гудшей. Хотя, мне кажется, правильней было бы назвать её Дон Кихотом или Жанной д'Арк. Понимаешь, эта малышка пытается перевернуть мир. Я ж сам совсем не против качества, но не за счёт цены. Во всём должна быть мера. И если, к примеру, бразильские котлеты позволяют мне сэкономить кучу бабок, это для меня (а теперь, конечно, и для тебя!) по-любому будет важнее того, что они сделаны из отходов тамошнего животноводства. А она пытается браковать контейнеры или тащить, скажем, мясо из Германии вместо Уругвая и Намибии. Качество, видите ли, не то! И самое хреновое, что её в этих начинаниях поддерживает Рустам.

– Значит, для него качество тоже важнее?

– Может, и так. А может, просто играет в демократию. И хочет всем показать, как он заботится о качестве продукта и безопасности клиентов. При этом сам в первую очередь требует снижать стоимость сырья. Так что с Маринкой Кругловой ты ещё хлебнёшь горя, помяни моё слово.

Эх, знал бы ты, Виталий, что я уже вовсю начал хлебать это самое горе, и непутёвая моя голова вместо котлет и картошки по самую маковку заполнена её глазами, улыбкой и туфельками!

В ресторане (надо же потихоньку привыкать к этому слову!) играла улучшающая аппетит музыка, создавая интимный фон гомону клиентов и весёлым выкрикам с кассы. На душе у меня становилось легче и спокойнее – видимо, камнем упавший в живот гамбургер начал расщепляться под воздействием желудочного сока. Лица людей вокруг выражали самые разные эмоции. Кто-то был явно доволен жизнью, кто-то напряжён и озабочен, чьё-то лицо вообще ничего не выражало. Но все эти люди пришли сюда с одной простой целью: быстро, дёшево и вкусно пожрать в атмосфере чистоты и всеобщей радости. И вот таких *наших* ресторанов в одной России триста с лишним штук. А в мире и сказать страшно: многие и многие тыщи! От осознания факта причастности к этой великой империи мой желудок, похоже, окончательно разложил гамбургер на составляющие, равно как и дурацкие мысли романтического свойства, и мне стало совсем легко.

По приходе, точнее по поднятии в офис, меня ожидал сюрприз в виде мэйла от некоего Джефа Родригеса, который, по меткому выражению Виталика, оказался нашим самым большим главарём, то есть президентом всего мирового «Макроналдса». Письмо было адресовано всем европейским сотрудникам и занимало примерно три экрана моего компьютера. «Дорогие коллеги! – писал Джеф (или его спичрайтер). – Благодаря вам, и только вам, несмотря на мировой финансовый кризис, дела в нашей компании идут как никогда хорошо». Первая фраза вызвала у меня чёткую ассоциацию с Девятнадцатой Партконференцией, по мотивам которой мне было поручено в девятом классе подготовить политинформацию. На

ней многочисленные ораторы тоже вещали о том, что дела в нашей стране идут как никогда хорошо. «Всё больше людей во всём мире доверяют нашему бренду, – продолжал Джеф, – количество наших ресторанов неуклонно увеличивается и прибыль компании постоянно растёт. Это в очередной раз подтверждает верность нашего „Плана победы“, а также концепцию трёхногого стула!»

Об этой концепции я уже слышал от Виталия – предполагается, что компания наша покоится на трёхномом стульчике, одна ножка которого символизирует акционеров компании, другая – сотрудников, а третья, наиболее мне близкая, – поставщиков. То есть, если, например, одна ножка – поставщики – вдруг обуреет и пошлет нас в пеший эротический поход, то вся система, побалансировав какое-то время на двух оставшихся ножках, рано или поздно грохнется на пол. Ну что ж, идея довольно здравая, да к тому же изначально базируется на законе Ньютона.

В конце письма, в промежутке между поздравлениями и победными слоганами, товарищ Родригес сообщал, что на прошлой неделе франшиза на полторы тысячи ресторанов «Макроналдса» в Южной Америке была передана некоему бывшему сотруднику компании. «Всё-таки хоть режьте меня, но каким бы заслуженным и гениальным не был этот сотрудник, а без отката здесь не обошлось», – отметило моё постсоветское сознание. Да, и к тому же, не самая англо-саксонская фамилия всемирного президента добавляла смутных сомнений...

План моего обучения был составлен Виталием, утверждён Джимом и рассчитан на три месяца. В него входило прочтение немереного количества внутрикомпанейской литературы, встречи с коллегами из других департаментов, которые носили звучное название «ориентация» и посещение десятка местных поставщиков. Но самой интригующей частью этого плана, без сомнения, был недельный трэининг в ресторане в качестве сотрудника низшего уровня. Ресторан, в котором мне в ближайшее время предстояло пройти курс молодого бойца, находился по отношению к моему дому в диаметрально противоположном конце города. Я даже заподозрил товарища Червочкина, которому была поручена организация моей стажировки, в намеренной пакости.

– По политике компании каждый новый сотрудник должен пройти через ресторан, – патетически произнёс Виталий. – *Каждый* сотрудник в *каждой* стране, в которой мы присутствуем. А для нас, закупщиков, это особенно важно. Только пройдя через ресторан, начинаешь понимать, что если ты закупил говно, то автоматом сделал жизнь ребят, которые умирают на грилях и фритюрах, еще хреновей. – Всё-таки классно он умеет переходить с патетики на язык, доступный массам.

– И ты тоже трудился в ресторане? – наивно спросил я и попытался заглянуть ему в глаза, пробираясь взглядом между бликами дорогих очков.

– Конечно. Полгода. Можно сказать, по индивидуальной программе. Помню, как мы пришли на кухню вместе с тогдашним новым АйТи-директором. И, представляешь, по окончании первого рабочего дня услышали, как один боец говорит другому в раздевалке: «И откуда только этих уродов прислали? Ни хера не умеют». На последних словах Виталий звонко заржал и покровительственно хлопнул меня по плечу.

– Ну что ж, надеюсь заслужить не меньшую похвалу, – заявил я, осторожно высвобождаясь из-под тяжелой десницы шефа.

– Кстати, ты же, насколько я помню твоё резюме, в армии был поваром. Вот заодно и сравнишь, так сказать, способы приготовления пищи, – ехидно ухмыльнулся Виталий.

– Ну да, то есть целую неделю буду следовать первой солдатской заповеди: подальше от начальства, поближе к кухне!

Вечером, когда я уже собирался выключать компьютер, ко мне подошла Марина Круглова. Одета, как всегда, с потрясающим, не обычным для местных девушек вкусом.

– Держись. Всё будет хорошо.

Чёрт подери, ну как такие простые, будничные слова могут вернуть душе покой?!

– Спасибо, Марина. Будем держаться. Кстати, если от меня после этой недели что-нибудь останется, предлагаю поужинать где-нибудь вместе.

– Звучит, как «Отслужу как надо и вернусь», – улыбнулась Марина. – И куда же мы пойдём, шеф?

– Да куда хочешь, например, в «Пеперони» или в «Пушкин». Там такой борщ вкусный...

– Почему бы, собственно, и нет? Между прочим, «Пушкин», наряду с «Шатушем» и «Галереей» – один из наших корпоративных кабаков. Главное, не спутать с рестораном «Макроналдса» на Пушкинской площади. – В Марининых глазах запрыгали кокетливо-ироничные чёртики.

– Я очень постараюсь не спутать. Задача облегчается тем, что «Пушкин» – это кафе, а у нас, насколько я понимаю, ресторан...

– Молодец, – рассмеялась Марина, – уже осваиваешь азы нашей корпоративной культуры. Неплохо для неопита. Кстати, у тебя красивая жена, – неожиданно заявила она, с трудом дотянувшись своей изящной лапкой до фотографии в рамке на другом конце моего стола.

– Очень, – ответил я, не отрывая взгляда от лица Марины.

«Макроналдс», в котором мне предстояло на собственной чувствительной шкуре познать изнанку американской легенды, был одним из самых крупных в столице. Я прошёл через довольно пустынный в восемь утра зал. Окинул уже привычным взглядом до неприличия вылизанные столы и стулья. Услышал капающую из динамиков нежную скучноватую мелодию. И, спросив у стойки кого-нибудь из руководства ресторана, вошёл в дверь, отделяющую зал для посетителей от кухни. И сразу же оказался в совершенно другом мире. Подозреваю, что подобный контраст свойственен любому предприятию общепита. Но я-то до сих пор не был на кухне ни одного из них. За исключением разве что солдатской кухни в доблестной советской армии. Но, во-первых, это было двадцать с лишком лет назад, а, во-вторых, в армии грани между кухней и местом для приёма пищи всегда стёрты.

В связи с отсутствием на данный момент директора ресторана первичное шефство надо мной взяла первый ассистент, здоровенная тётка лет тридцати с хвостиком и с явно не сложившейся личной жизнью. Думаю, она была бы успешной кандидаткой на роль лагерной надзирательницы в старых фильмах про войну. Вопреки суровой внешности, девушка оказалась весьма заботливой хозяйкой и уже через пару минут лично искала для меня форменную рубашку подходящего размера.

Несмотря на то что всё вокруг было для меня, мягко говоря, новым, три вещи потрясли воображение с самого начала. Во-первых, это вопиющая теснота во всех помещениях, включая склад, туалет и раздевалку. Во-вторых, не прекращающийся ни на минуту ор – кричали все, от руководства до зачмырённого парнишки, остервенело трущего жирный кафельный пол. И, в-третьих, невероятная, запредельная скорость, с которой всё происходило на кухне.

Ко мне приставили инструктора, женщину средних лет с потухшим взглядом и маниакальным страхом перед каким бы то ни было руководством. Она имела гордое и кокетливое имя Анжелика и пару жутких прыщей на мясистом носу.

– Главное наше правило: постоянно наводить чистоту, – начала свой инструктаж Анжелика. – Чем бы ты ни занимался, если у тебя выдаётся свободная секунда, сразу же наводи чистоту.

– А если не выдаётся? – вяло парировал я.

– А это уже твои проблемы, – сухо ответила Анжелика. – Рабочее место должно всегда блистать. – Забавно, что она сказала не «блестеть», а именно «блистать».

Мне показали, как найти наименее загаженный фартук в куче висящих при входе на кухню. Как правильно вымыть руки и вытереть их, не прикасаясь чистыми лапами к стационарным предметам. И вот, наконец, я в святая святых нашей компании, на ресторанной кухне. Первая операция, которую мне доверили, – картофельная станция. В двух словах весь процесс заключается в том, чтобы взять пакет замороженного картофеля фри из холодильника, вскрыть, швырнуть содержимое в специальную металлическую корзинку, погрузить её в ванну с горячим фритюрным жиром и после того, как забибикает таймер, выложить лоснящуюся от масла картошку в специальную металлическую камеру. Затем посолить из специальной солонки (ровно три перевёртывания!) и расфасовать в красочные картонные корочки.

– Всё очень просто, – сказала Анжелика и продемонстрировала такие чудеса ловкости и даже грациозности, что в какой-то момент напомнила мне свою тёзку из гламурной книжонки «Анжелика и король».

– А теперь ты, – нежно посмотрела на меня моя инструкторша. – Давай, давай, всё будет хорошо, – добавила она, поймав мой задумчивый взгляд.

Никогда раньше я не думал, что налитые жиром длинные палочки специальной макрональдсовской картошки могут быть такими скользкими и будут убегать от меня, как простыня с одеялом в бессмертной сказке Чуковского. Они, подлые, умудрялись даже вываливаться из картонных коробок, в которые их полагалось запихивать так, чтобы минимальным количеством продукта создать впечатление максимальной наполненности. Скользким и жирным было всё: начиная с железного совочка, которым я насыпал картошку, и кончая кафельным полом, на котором за первые полчаса я раз пять поскользнулся.

В узком проходе за моей спиной с дикой скоростью постоянно бегала какая-то толстая девка. Проталкиваясь между мной и столом для сборки бигмаков, она каждый раз задевала меня своей здоровенной задницей и беззлобно, визгливо материлась. Если бы всё происходило в другой ситуации, это, наверное, могло бы показаться милым женским кокетством.

С прилавка, отделявшего кассу от кухни, и который, как объяснила Анжелика, называется *бин*, постоянно неслись истошные вопли менеджера, передающего на кухню заказы с кассы. Менеджер этот называется *кликуном* (не путать с крикуном или кликушей!) и, как правило, является дамой. Возгласы кликуна, обильно сдобренные незамысловатым кухонным матом, были по-бабски визгливы и служили основным звуковым фоном.

Где-то через пару часов Анжелика заявила, что я уже созрел для самостоятельного труда и она оставляет меня без присмотра. По сути это значило, что меня оставляют без какой-либо помощи. Ноги мои уже слегка гудели, а в глазах начинали бегать длинные жёлтые полоски, подозрительно напоминавшие пресловутый картофель. Как ни странно, при этом движения мои становились всё более автоматическими и правильными, хотя всё ещё были недостаточно быстрыми. Время от времени я, забывшись, делал не три, а два или четыре перевёртывания солонки. Хотя, не думаю, что клиенты в этом случае с омерзением выплёвывали плоды моего творчества...

В пяти метрах от меня, отделённые от кухни бином и стойкой кассы, стояли в очереди за едой наши клиенты. Они были очень разные. Отягощённые карьерными мыслями клерки почти пубертатного возраста. Отцы семейств, переполненные чувством собственного достоинства. Симпатичные, по-летнему полураздетые студентки. И всё это были люди из другого мира. К которому ещё несколько часов назад можно было отнести и меня. Теперь же, стоя у картофельной станции в форменном козырьке и грязном вонючем фартуке, я краем глаза наблюдал издали за этими людьми. В данный момент я принадлежал к совершенно другому миру. А ведь всё-таки, чёрт возьми, было что-то мудрое и правильное в трудах господина Маркса и его друга Фридриха...

– Где картошка? Где картошка, твою мать?! – отвлёк меня от высоких мыслей истошный вопль кликуна. В ту же секунду рядом со мной, как добрый ангел, появилась моя Анжелика. Вместе мы за пару минут заставили полными коробочками подставку, с которой две сердитые девушки забирали картошку на прилавок. В этот момент я дал себе слово завтра же подарить Анжелике шоколадку.

– Ничего, месяца через три у тебя в руках всё летать будет! – подбодрила меня весёлая румяная блондинка, собиравшая сэндвичи за соседним столом. – Я, когда только пришла, тоже неуклюжей была. А теперь лучший тостерщик во всём ресторане! Да и бигмаки собираю классно.

– Спасибо. Я буду стараться, – благодарно ответил я, слегка поёжившись от описанной перспективы.

Когда сознание моё уже начало покидать провонявшее кухонными миазмами тело, Анжелика заявила, что настало время обеда. Рядовым сотрудникам полагается один гамбургер или чизбургер или (иногда – типа, в «рыбный» день) бутерброд с рыбной котлетой. А на моём подносе, открытый завистливым взглядам окружающих, возлежал буржуйский бигмак, и поблескивал вспотевшими пластиковыми стенками стакан ванильного шейка. Комната для приёма пищи, сам факт существования которой на предприятии общепита оказался мне прикольным, оказалась маленькой и душной. Стены были увешаны позитивным капиталистическим агитпропом. На почти гламурных фотках мелькали счастливые мальчики и девочки в неизменных козырьках с буквой «М». А за обшарпанными столами торопливо поглощали своё вкусно пахнущее богатство мрачные люди с измождёнными лицами. Вернуться на кухню нужно ровно через полчаса, причём уже нацепив фартук и вымыв конечности, – конвейер не только не может остановиться, но и ни на секунду снизить свой темп. За столиком рядом одиноко сидела бабушка лет шестидесяти с железными зубами.

– Это Анфиса, наш ветеран, – улыбнулась Анжелика, поймав мой вопросительный взгляд. – Лет пять назад приехала из Таджикистана и с тех пор у нас. Один из самых надёжных сотрудников, не то что эти малолетки. Хотя выглядит немножко постарше своих лет. Ей ведь всего сорок.

– Да ладно!!!

– Ну а что ты хотел, у нас не курорт...

Когда мы вернулись с обеда к нашим станкам, Анжелика смерила меня оценивающим взглядом.

– По-моему, ты потихоньку осваиваешься. – Щас ещё часок погоняешь балду на картошке, а потом пойдём на гриль – это гораздо серьёзней.

– Гриль я люблю, особенно на дачке под коньячок... – скривился я в подобии озорной улыбки.

– Ну, вот и ладушки! – весело сказала Анжелика. – Коньяк не обещаю, но крепкий сон этой ночью у тебя будет точно.

А я почувствовал, как у меня по спине пробежала пара мурашек.

Местный гриль ничего общего с грилем в общечеловеческом смысле этого слова, разумеется, не имел. Аппарат состоял из двух металлических створок, каждая из которых, по сути, являлась электрической плитой. Когда оператор раскладывал на нижней створке котлеты и нажимал кнопку, вторая опускалась сверху и на несколько минут скрывала серую мясную плоть. Самой волнующей процедурой, без сомнения, было раскладывание замороженных скользких котлет на раскаленной поверхности гриля. Поскольку это делалось без использования какого-либо инструмента типа лопаток или вилок, новый сотрудник имел хороший шанс пожарить вместе с котлетой собственный палец. Рядом с грилем лежал целый набор всевозможных скребков и тряпочек, посредством которых мне предстояло поддерживать створки в перманентной чистоте. Анжелика продемонстрировала пару движений скреб-

ком и оставила меня на какое-то время их отрабатывать. Доведя до блеска одну створку, я занялся верхней, которая образовывала с нижней угол в сорок пять градусов. И, вспомнив процесс очистки машины от снега, повел скребок снизу вверх.... Вязкий, кипящий жир полился на мою руку. Боль была зверской. Ёмкие фразы, которые я орал, трясая рукой и вытирая остатки жира о форменные брюки, из нормативной лексики содержали только предлоги. Зато вызвали явное понимание и уважение окружающих...

– Это еще херня, – заявила Анжелика, смазывая мою лапу какой-то дрянью, по консистенции похожей на обжёгший меня жир. – Вот у нас тут на днях один придурок в ночную смену вылил на себя ведро кипятка. Так у него теперь шкура на ногах, как у мутанта.

– И часто у вас такое происходит?

– Случается, – загадочно улыбнулась Анжелика.

Когда по окончании смены я открыл неприметную дверь в зал и смешался с толпой клиентов, у меня было ощущение, будто я вырвался из преисподней. А уж когда утонул в нежной коже автомобильного сиденья под музыку радио Jazz, я осознал, что рай на земле – вполне объективная реальность.

Следующие несколько дней трэйнинга отличались от первого только новыми производственными станциями и лицами коллег. Я научился таким необходимым в жизни вещам, как сборка сэндвича и приготовление яичницы из замороженной таблетки. Не говоря уже о разбодяживании водой кока-кольного концентрата и работе на кассе.

– Ну, я вижу, учёба прошла успешно, – сказал Виталий, разглядывая мою ошпаренную руку.

– Новый культурный опыт, – мрачно ответил я и потянулся в кресле, чтобы размять всё ещё нывшую спину.

– А мы тут всем отделом за тебя переживали. Особенно Круглова. Видимо, беспокоилась, что с твоим приходом в ресторан катастрофически снизится качество производимых там бутербродов. Ладно, чувствую, кровь у тебя потихоньку начинает густеть, скоро превратится в кетчуп, – ласково улыбнулся шеф. – Кстати, очень хорошо, что мы начали с производственного трэйнинга. У тебя, можно сказать, была возможность посмотреть, как живут низы. А сегодня получишь представление о работе компании на глобальном уровне – у тебя ведь в двенадцать ориентация с Андреем Лёвушкиным, нашим директором по маркетингу. В переводе с нашего на русский, ориентация – это знакомство с работой какого-либо конкретного подразделения. Так что, как выражаются наши англоязычные друзья, посмотришь на бизнес с вертолёта.

– Ну, супер, попробую свести концы с концами, – подыграл я оптимизму Виталика.

– Да уж, обязательно сведи. Знаешь анекдот? Выступает Горбачёв на Новый год по телевизору и говорит: у меня для вас, товарищи, две новости, плохая и хорошая. Плохая – это то, что уровень благосостояния в наступающем году будет по-прежнему снижаться. А хорошая заключается в том, что Политбюро приняло решение разрешить в стране гомосексуализм. Чтобы население могло сводить концы с концами.

На последней фразе Виталий звонко рассмеялся, а я постарался изобразить максимально широкую улыбку.

До двенадцати оставался ещё час – совершенно недостаточно, чтобы хотя бы по диагонали прочитать 427 мэйлов, пришедших за время моего недельного отсутствия. Зато этого часа вполне хватит, чтобы выпить стаканчик нашего вонючего дешёвого чая и узнать последние сплетни у трепливых коллег в кафетерии. А если повезёт, встретить Марину, или хотя бы узнать, почему её с утра нет на месте. Чёрт подери, как же я по ней соскучился! Как хочется увидеть её маленькую фигурку, услышать звонкий стук каблучков... Кстати, к туфлям она, похоже, относится как главная героиня «Секса в большом городе», по крайней мере, как-то

заглянув под её стол, я насчитал шесть пар. Да, Лёха, с такими раскладами ты скоро станешь фетишистом...

— А я вот, хоть убей, не могу понять, что он нашёл в этой козе! — негодовала за столиком в офисном кафетерии Вероника Садальская. Ты видела её зубы? Такие зубы не у каждой лошади встретишь. А глаза? Нет, я, конечно, тоже не Софи Лорен, но у меня, по крайней мере, умные глаза!

— Ни фига ты не понимаешь, подруга, даже, несмотря на свои умные глазёнки, — в свойственной ей интеллигентной манере ответила Аня Гуськова. — Во-первых, они оба уроды, а это сближает. Во-вторых, у них же общие коммерческие интересы, там, небось, такие откаты идут, что мама не горюй, а проворачивать это дело они могут только вдвоём.

— Так-то оно так, — ухмыльнулась Садальская. — Но как же наш Виталичка не соображает, что рано или поздно это ударит по его сверхуспешной карьере? Ведь уже пол-офиса в курсе, а он же у нас, типа, женатый. Наверняка Рустаму уже доложили.

— А что Рустам?! — гневно поставила на стол свой бумажный стакан Аня. — Ходок ходока видит издалека. Он же всех смазливых девок в компании перетрахал. Я когда офис-менеджером была, у меня в команде все засыха-малолетки только и мечтали, как бы ему дать.

Дамы так увлеклись своей светской беседой, что не сразу обнаружили моё присутствие. А обнаружив, не смутились, но моментально переключились на обсуждение поставок салата в отдалённые рестораны.

Я уже слышал ранее об интрижке моего шефа с девицей, трудившейся на заводе компании под Москвой. Она, кажется, занималась закупками мяса для котлетного производства. Но то, что связь эта имеет ещё и финансовый подтекст, было для меня новостью. Хотя, информацию, полученную от двух болтливых бездельниц, нужно делить минимум на два. И тем не менее при возможности было бы интересно это проверить. Тем более что стоимость мяса является основной составляющей в общей сумме, которую компания тратит на закупку сырья.

— Алексей, ну какое у тебя первое впечатление от новой работы? — светски обратилась ко мне Садальская.

— Всё очень интересно... — дипломатично ответил я.

— А твое мнение о Шнайдере? — задала Аня вопрос, который явно интересовал обеих сплетниц.

— Потихоньку срабатываемся. — Я постарался ответить таким образом, чтобы оставить достаточно пространства для их фантазии.

— Но он же наверняка пытается тебя унижить, задавить, выставить дураком, — с надеждой посмотрела мне в глаза Садальская.

— Понимаешь, Вероник, мы с ним стараемся находить общий язык. Да, и к тому же, меня не так-то просто задавить. Кстати, вы не в курсе, где Круглова? Она тут обещалась мне прислать пару своих презентушек. — Я изо всех сил пытался продемонстрировать полнейшую индифферентность.

— А наша принцесса сегодня в ресторанном туре. Ну, то есть рассекает по ресторанам и мешает людям спокойно делать своё дело, — бойко откликнулась Садальская.

Да, похоже, особой любовью, что у начальства, что у подчинённых, Марина Круглова не пользуется.

Я взял недопитый стакан чая и под разочарованными взглядами Гуськовой и Садальской пошёл морально готовиться к ориентации.

Андрей Лёвушкин оказался артистичного вида пышноволосям брюнетом в очках и жёлтом твидовом пиджаке. На полках и в шкафах его директорского закутка громоздились бесчисленные дипломы и памятные подарки с неизменной золотой буквой «М». Дабы всем

сразу же становилось ясно, что обладатель этого пятиметрового пространства – заслуженный корпоративный боец и любимый асс фюрера.

– Ты, наверное, уже догадался, что мы являемся исключительно маркетинговой компанией? – добродушно улыбнулся Андрей.

– Ну, я бы сказал, начинаю догадываться, – уклончиво ответил я.

– Вот и славненько, – Лёвушкин улыбнулся ещё добродушней. – Мы таковой являемся уже лет пятьдесят, с лёгкой руки нашего основателя, господина Дэна Джонса.

– Отставного полковника американской армии? – в тон ему добродушно спросил я.

– Вот именно! Я вижу, ты уже припал к истокам, – одобрительно посмотрел на меня мой ориентатор. – Ну, тогда сразу о главном. Основу нашей компании составляют «пять „пи“»: People, Place, Product, Price и Promotion. По-русски звучит, конечно, не так благозвучно, но суть та же: Люди, Место, Продукт, Цена и, извини за вольный перевод, Раскрутка Товара. И вот все эти пять составляющих и есть маркетинг в нашем понимании. Ну, смотри сам: что такое люди? Это кадровая политика фирмы. Которая, как ты уже наверняка слышал, трещит по швам.

– Да я и сам только что с производственного трэйнинга и легко могу себе представить, что текучка кадров у нас неслабая, – вставил я своё веское слово «снизу».

– «Неслабая» – это очень мягко сказано, – торжествующе посмотрел на меня Андрей. – Нам катастрофически не хватает людей! Эти свиньи зачастую сваливают, не проработав и месяца. И какой у нас выход?

– Ну, не знаю, может, попробовать поднять престиж профессии? – пространно ответил я.

– Верно! А это значит, прежде всего, доносить правильную информацию до потенциальных сотрудников. То есть, по сути, рекламировать товар, которым в данном случае является работа в наших ресторанах. А это и есть чистой воды маркетинг!

Едем дальше. Место – это сами рестораны, их расположение, внешний вид и дизайн. Ты ремонт у себя на хате делал?

– А как же, лет семь назад.

– Ну, и как, разницу почувствовал?

– Да не то слово!

– То-то, – удовлетворённо подытожил Лёвушкин. – То же самое и с ресторанами: одно дело, если ты приходишь в царство постсоветского общепита, и совсем другое, если вокруг тебя современный дизайн и лёгкий гламур. А по силе воздействия на клиента это не менее важно, чем вкуснящий бутерброд по детской цене. Так что же это, по-твоему, такое?

– Маркетинг? – неуверенно спросил я.

– Да ты делаешь успехи, коллега! – удовлетворённо потёр свои холёные барские ручки Андрей. – Теперь продукт. И ёжику ясно, что мы здесь не высокой кухней занимаемся. Но и не дерьмо продаём. То есть, если и дерьмо, то, по крайней мере, очень вкусненькое и свеженькое. – На этих словах Андрей так звонко и по-мальчишески рассмеялся, что его серьёзные сотрудницы в соседнем отсеке с тревогой поглядели в нашу сторону.

– Окей, то, что продукт – это тоже маркетинг, я уже догадался, – постарался я вернуть нашу беседу в прежнее информативное русло. – Но как насчёт цены? Ведь это же совсем другая субстанция.

– Ошибаетесь, батенька! – Лёвушкин посмотрел на меня ещё более добродушно и весело. – Цена – это основа бизнеса для индустрии быстрого питания. Кстати, наши западные коллеги предпочитают говорить «рестораны быстрого обслуживания». Согласись, красивей звучит. По сути, от того, какую поставишь цену, зависит, сумеешь ли ты продать свой продукт. А поскольку благодаря специфике бизнеса отдел продаж в нашей компании отсут-

ствует, функция назначения цены ложится на хрупкие плечи отдела маркетинга, – резюмировал Андрей и для наглядности поиграл своими широкими плечами.

– Ну, насчёт раскрутки товара и так всё ясно, – облегчил я дальнейшую задачу Андрею.

– Молодец! А вообще-то наша главная задача состоит в том, чтобы, придя к нам, клиент почувствовал атмосферу праздника. Понимаешь, это как зайти в хороший бордель. Сплошная фабрика грёз. На улице грязь, пробки, безденежье, а ты открываешь дверь и попадаешь в мир красоты, музыки, вкусной еды и улыбчивых тёлок на кассе. И всё это, заметь, за двести-триста рублей. Ну, чем не сказка?

– Причём самое смешное, что эта сказка уже стала былью.

– Точно. А это значит, что мы не зря рождены, – самодовольно улыбнулся Лёвушкин и любовно пригладил свои роскошные волосы. – Да, кстати, на рекламу «Макроналдс» тратит больше всех марок в мире! Ну что, матрос, вопросы есть?

– А что антиглобалисты, не достают? – задал я, как мне казалось, провокационный вопрос.

– Да что ты, старик, мы пока ещё, слава богу, в приличной стране живём! В России этих подонков кот написал. А вот на диком Западе у наших коллег проблем хватает. Там эти скоты и витрины бьют, и надписи недобрые на дверях пишут. Хотя, «Макроналдс», понятное дело, реагирует адекватно и, я бы даже сказал, чисто конкретно.

– Что, молдаван подсылаем? – поддержал я неуставной тон Лёвушкина.

– Да нет, молдаван в мире слишком мало, на всех не хватит. А если серьёзно, меры принимаются самые разные – от компаний в прессе до вбухивания немереного бабла в благотворительность. Вот, например, пару лет назад в Штатах появились милые ребятки, которые надевали костюмы куриц, ну, типа с клювом, и всё такое, и приковывали себя наручниками к дверям наших ресторанов. Прикинь?! Это они так протестовали против жестокого обращения с курами. А надо сказать, америкашки поглощают нагетсы в диких количествах. Там фермеры специально для «Макроналдса» даже вывели породу кур с большой грудью. И как быть? Пришлось вколотить ломовые бабки в улучшение жизни кур. Теперь наши пернатые друзья не в клетках сидят, а пасутся в специальных вольерчиках. Скоро, наверное, потребуют солярий и массажный салон.

– Чтоб я так жил! – искренне восхитился я жизнью грудастых американских несушек.

Таким образом, ориентация моя в маркетинге получилась короткой, но весьма плодотворной.

Дойдя до своего рабочего местечка, я тут же углубился в чтение бесчисленных электронных посланий. Никогда не думал, что работа в «Макроналдсе» это, по сути, работа писателя. Пишут все. Начиная с вице-президентов и кончая последними клерками в бухгалтерии или производственном отделе. Причём, как я понял, пишется весь этот литературный креатив в первую очередь для прикрывания задниц его создателей. Второй по значимости причиной, склоняющей сотрудников к писательству, по-видимому, является собственно любовь к эпистолярному жанру. И только малая часть электронных писателей садится за клавиатуру своих десктопов с желанием поделиться с коллегами той или иной информацией. Причём все три типа писателей задействуют максимальное количество адресатов, дабы люди в самых разных отделах знали об их трудовых успехах и гениальных бизнес-идеях. Процен- тов восемьдесят полученных мной посланий ни малейшего отношения ко мне не имели. В них сообщалось о взаимных обидах ресторанов и отдела оборудования. Рассказывалось о том, как погибают наши несчастные конкуренты. Служба офис-менеджмента сообщала о перерасходе бумаги для принтера в ряде отделов. И так 427 писем. Боже, сколько же дурной работы можно избежать, если время от времени просто использовать телефон и хотя бы вдвое сократить количество адресатов в письмах!

– Коллеги, напоминаю, через полчаса тестирование в ресторане! – запыхавшимся голосом выпалила, появившись из-за шкафа, миловидная брюнетка из отдела контроля качества. Кажется, Настя. – Марины сегодня нет, поэтому всё организовываю я.

– И кого мы сегодня едим? – с трудом оторвалась от компьютера Аня.

– То есть как это кого?! Круглова же писала всем месяц назад! – возмутилась девушка. – Пробуем «Премиум Биф»: сначала отдельно котлеты и булки, а потом бутерброд в комплекте.

– Коллеги, у кого остался мезим? Я вчера после пробы наггетсов последнюю пачку съела, – тоскливо позёвывая, доложила Садальская.

– А у Алексея сегодня боевое крещение! – ехидно ухмыльнулся Червочкин, высунувшись из-за горшка с мясистым, откормленным кактусом.

– Почему бы и нет, – весело отозвался я, – как раз время обеда.

– Ну, да, ужинать тебе сегодня тоже вряд ли захочется, – добавил мне оптимизма Червочкин, нежно погладив пухлыми пальцами силиконовый коврик для мышки.

Не особо торопясь, с шутками и прибаутками, отдел закупок в полном составе спустился в ресторан.

Было видно, что кухонная братия не слишком обрадовалась нашествию офисных крыс. Тем не менее в наше распоряжение была выделена тесная комнатуха, гордо именовавшаяся кабинетом директора. Ещё во время трэйнинга я понял, что должность директора ресторана, притом, что она кажется недостижимо высокой для ресторанной челяди, в иерархии компании является относительно низкой.

На столе уже стояли несколько тарелок, три из которых были фарфоровыми, а остальные – пластмассовой штамповкой.

– Это для Джима, Шэрон и Виталика, – заботливо объяснила мне Садальская про фарфор.

– А кто такая Шэрон? – спросил я по аналогии с популярной песенкой про Эллис.

В комнате повисла гнетущая тишина, как в книжке про Гарри Поттера, когда кто-нибудь, по глупости, упоминал всуе имя Волдеморта.

– Ты действительно ещё не встречался с Шэрон? – набралась, наконец, смелости Настя.

– Не имел чести.

– Тогда у тебя сегодня знаменательный день, – с кривоватой улыбкой произнёс из дверей, как всегда незаметно прибывший Виталий. – Это старший вице-президент по производству и, по совместительству, наша Железная леди.

Настя начала подтаскивать с кухни пластиковые подносы с жирными горячими котлетами, имевшими такой вид, будто их однажды уже ели.

Ровно в установленное время в комнате появились Джим и Шэрон. При одном взгляде на эту женщину мне стало не по себе. Хотя, женщиной её можно было назвать достаточно условно. Лет ей на вид было около пятидесяти, хотя, подозреваю, биологический возраст этого существа был значительно меньше. Прежде всего в глаза бросалась невероятная неухоженность тела и небрежность в одежде. Наспех причёсанные клочки некрашеной пакли прикрывали невысокий лоб и то место над глазами, где, по идее, должны находиться брови. Сами же глаза были поразительно похожи на волчьи и в цветовом плане представляли собой странную смесь жёлтого с серым. Но главным предметом неотразимой внешности Шэрон Митчелл, конечно же, являлся нос. Примечателен он был, прежде всего, своим безумным размером, огромными ноздрями и высокой кавказской горбинкой. С носом гармонировали тонкие разошедшиеся губы и глубокая горизонтальная складка на подбородке. И, наконец, портрет был бы не полным без упоминания грубой пористой кожи и неряшливых, криво обстриженных ногтей. Одним словом, вылитый персонаж русских сказок из избушки на курьих ножках.

Народ торопливо рассаживался за столом, пропуская руководство в почётный угол с фарфоровыми тарелками. Что называется, корпоративная демократия в действии. Каждому раздали анкеты с многочисленными параметрами продукта, которые нам предстояло оценить. Меня особенно развеселили такие пункты, как «пузырчатость» и «пятнистость» в случае булок и «резиновость» в анкете котлет. И вот участники этой своеобразной дегустации стали рвать на части ещё тёплые тела бедных котлет. Причём, естественно, каждый пытался показать особый энтузиазм в поедании тестового материала. Краешком глаза я видел, с каким омерзением засовывает себе в рот кусочек котлеты Джим. Напротив меня почти незаметно выплёвывала свою порцию в салфетку Сададьская. Типа девушка вытирает губы. Единственным участником шоу, который поглощал этот кулинарный шедевр с видимым удовольствием, была Шэрон. Даже когда котлеты полностью остыли и их было трудно оторвать от подноса из-за холодного застывшего жира, она с плотоядной улыбкой пожирала последние экземпляры.

Настя, на правах организатора мероприятия, первой нарушила чавкающую тишину:

– Теперь обсуждение. Кто что скажет?

– По-моему, слегка кислое послевкусие и недостаточно гомогенная текстура, – задумчиво закатив глаза, высказался Виталий.

– А мне кажется, недостаточно жира, что делает котлеты слегка резиновыми, – внесла свой профессиональный вклад Сададьская.

– Полностью согласен с коллегой, – отозвался из своего угла Джим. – Не зря мы её посылали в университет гамбургерологии!

При этих словах жирные щёки Сададьской залил довольный румянец. А я вместе с котлетой стал переваривать название новой для меня науки – «гамбургерология».

– А теперь, с вашего позволения, скажу я. – Шэрон положила на тарелку недоеденный кусок. – Котлеты хорошие. Вкус действительно чуть кисловатый, но в пределах допустимого. Всё. Предлагаю переходить к булкам.

– А я абсолютно согласен с Шэрон! Котлеты просто замечательные! Великолепный вкус! – засюсюкал Червочкин, лихорадочно стреляя глазами и подёргивая носом, который на какое-то мгновение показался мне коричневым.

Тестеры стали торопливо заполнять анкеты, явно руководствуясь комментарием Шэрон. На столе быстро сменялись декорации – два бойких паренька под руководством Насти убирали котлетные останки и расставляли подносы с ароматными тёплыми булками.

– А я и не знал, что в «Премиум Бифе» будет булка чабатта, – вставил реплику Джим, протирая салфеткой запотевшие от активной желудочной работы очки.

– Всё правильно, я... то есть мы примем окончательное решение только сегодня, после этого теста, – ответила Шэрон.

Вкус того, что здесь называли булочкой чабатта, вызвал у меня ностальгические переживания, напомнив буханки условно белого армейского хлеба. Сверху булка была стыдливо присыпана мукой.

Виталий озабоченно посмотрел на часы.

– Коллеги, предлагаю скорее приступить ко второму блюду – у меня через полчаса совещание.

– А я думала, что *продукт* в нашей компании важнее всех совещаний, – отчётливо произнесла Шэрон, глядя на свои жутковатые ногти. – Но, видимо, я ошибалась...

– Нет, ну что ты, Шэрон. Конечно же, ты права, – напрягся мой шеф. – Я просто призываю эффективнее использовать время.

– Я так и думала. Не может быть, чтобы кто-то из нас придерживался другого мнения.

– Продукт – это самое-самое главное! Это же основа! – подпрыгнул на своём стуле Червочкин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.